

**ЖИВАЯ
ПАМЯТЬ**

Василий ШУКШИН.

ВАСИЛИЙ Макарович Шукшин. Это имя дорого людям в любом конце нашей страны. С особой любовью произносят его в тех краях, где бывал этот удивительный человек — прозаик и драматург, актер и режиссер. Вологжанам повезло: в Белозерском районе Шукшин снимал «Калину красную». И места эти теперь особые — памятные. На этот счет мы оказались единодушны с кинолюбителем из города Сокола Вологодской области Юрием Половниковым.

Мы взяли кинокамеру и отправились в Белозерск. Было это в октябре минувшего года — через шесть лет после смерти Шукшина, через семь лет после того, как он закончил снимать «Калину красную». Как всегда в октябре, горела на Руси калина, навеки теперь связанная с именем Шукшина. Поэтому не случайно наш любительский фильм мы назвали «Воспоминания в октябре», и первые его кадры — это тяжелые гроздь ягод.

Нам хотелось рассказать о своем преклонении перед Шукшиным — человеком и творцом. В нас звучали интонации его речи, в памяти всплывали строки его рассказов, и мы с трепетом ступили на белозерский берег. Мы верили: эта земля должна помнить его шаги...

Когда-то давно запал Шукшину в сердце Белозерск — тихий и белокаменный. Пологая спина древнего городского вала. Вольный простор бескрайнего Белого озера. Шукшин осуществил свою мечту — приехал на его берега снимать фильм.

В доме с резными окнами, где до недавнего времени была гостиница, поселилась съемочная группа. Шукшин жил в квартире неподалеку — ему нужен был покой, ведь даже во время съемок он не забывал о литера-

имени Ленина. На ее окраине — ферма, на ней, по фильму, работала Люба Байкалова. А в километре от этой фермы — поле, которое пахал Егор Прокудин. Мы постояли на том самом месте, где зеленую тишь семь лет назад разорвал «бандитский выстрел». И Егор упал на землю...

Вторая деревня, где мы побывали, называется Тимонино. Это территория колхоза «Строитель коммунизма».

**КАЛИНА
ГОРЬКАЯ**

— Опять «Красную калину» снимают! — встретили нас жители. Мы беседовали с Ольгой Матвеевной Кузнецовой, Марией Григорьевной Андреевой и Ольгой Леонтьевной Батулиной.

Есть в «Калине...» такой эпизод: после освобождения Егор приезжает в деревню к Любе. Чтобы снять это, специально построили автобусную будку.

— Это о них теперь память осталась, — говорили женщины.

А вокруг деревенского клуба для съемок соорудили тогда веранду. Получилась «чайная», куда Люба приводит Егора для разговора. Помните, сидят они вдвоем? Сохранилась эта веранда. И вот оно, то место, где стоял столик.

— Они сели, — вспоминали наши собеседницы, — а в этот момент девочка предложила им вина. Мы еще на морс сколько клюквы-то извели!

— Они тут у меня и жили. И мой дом в фильме был. А виш-

дал никого, а разговаривает, как век свой здесь жил...

Удивительно. Сколько противоречивых мнений бытует о Шукшине! Любят говорить о его холодности, колючести, заносчивости, резкости. А не принимал ли он условия игры, которые ему предлагались? Вот он, безоружный, перед всеми теперь в своих записных книжках: «Я единственно берегу свою нежность. А как больше?» Мягкий и добрый был он среди деревенских жителей — не ждал никуда подвоха, расслаблялся, сидел в перекуры со стариками на бревнышках, и они разговаривали с ним на равных. Это подтвердит каждый житель деревни Садовой.

Садовая — третья деревня в нашем путешествии, она в десятке километров от Белозерска. Узнать ее просто: поднимешься в горушку, станешь посреди деревни, и взгляд непременно отыщет вдали белую церковь и притаившееся внизу озеро. Оно мало, как блюдечко, и уютно летом на его берегу. Жив мостик, с которого плюхнулся в воду ошпаренный Егором брат Любы Байкаловой. Живы и баньки, показанные в «Калине...».

В то лето, когда снимался фильм, старый житель Садовой Василий Федорович Голубев работал пастухом.

— Шукшин пораз меня вечером спросил: сколь рано скот пойдет? Я говорю: вот во столько. Давай договоримся, говорит: нам интересно ваш скот послушать — как скот мычит. А в тот день, как на грех подошло, ничего не получилось!

— Не мычали?

— Не мырчали!

И столько вновь ожившего сожаления во взгляде старика, столько досады на коров — чуть кино не сорвали!

В деревне Садовой был «дом Байкаловых». Помните? Рядом с ним еще поленница из светлых беззольных дров. Она и теперь на том же месте, поленница. Дрова — другие: годы минули.

— Вот у меня что есть, — хозяйка дома Феклиста Евгеньевна Молокова протягивает зеркальце. — Василий Макарович бился перед ним.

...Прошло время, и наступил день премьеры. Первыми увидели «Калину красную» жители Белозерского района. Специальные автобусы были поданы в деревню, где велись съемки. Люди сидели в зрительном зале и узнавали свои дома, озера, бани и огороды. Но от этого история, рассказанная в фильме, не казалась им придуманной. Напротив, они поверили в ее жизненность целиком, и вот еще почему.

Есть в фильме эпизод, памятный всем: Егор везет Любу к одинокой старухе. Люба заслу-

шивает ее горький рассказ о жизни — «восемнадцатый год одна... ни единого звука от сына», — а потом Прокудин рыдает по-за деревней на траве: «Это же мать моя, Люба, мать!» — и молча взирает на его слезы белая разрушенная колокольня.

На роль матери Егора Прокудина Шукшин приглашал Веру Марецкую, но актриса заболела, пришлось срочно искать замену. И замена нашлась... в деревне Садовой. Офимия Быстрова —

так звали старушку, которая снялась в «Калине...». Не подзвывая, зачем понадобилась ученым людям, она с болью и грустью поведала о своей горе. И документальная история ее жизни так точно легла в художественную ткань фильма, что не осталось и «рубцов» этого оживления. Так естественно ложится только правда к правде.

Теперь Офимия Быстрова умерла, и горькой была ее кончина: ее нашли мертвой в проеме между печкой и стеной. Родной сын ее так и не объявился... В центре деревни Садовой высокий дом Офимии, окруженный белыми стволами берез. Заросло крапивой крыльцо, слепы глазницы окон. А когда-то — помните? — светло и доверчиво смотрела старуха в кинокамеру, переходя от окна к окну... Похоронили Офимию возле церкви — возле той, где плакал когда-то Егор Прокудин. Мы постояли на этом скорбном месте на октябрьском ветру.

И нам вспомнился другой октябрь — когда хоронили Шукшина.

*Сибирь в осеннем золоте,
в Москве — шум шин.*

В Москве, в Сибири,

в Вологде

дрожит и рвется в проводы:

— Шукшин... Шукшин...

Это строки вологжанки Ольги Фокиной. И это лишь частица всенародного отклика на смерть Шукшина. Сколько человек хотели бы, но не могли взяться за перо! Те, с кем встречались мы в Белозерском районе, думается, из их числа...

Почему в несчастье мы становимся вдруг сильными? И влечет нас куда-то, и растет внутри что-то неосознанное, требующее выхода. Полагают, что энергия души человеческой не исчезает бесследно — она переходит к тем, кто остается жить. И тогда мы берем в руки кинокамеру и делаем фильм. И вот на экране люди, разделившие наши воспоминания в октябре. И долго на киноплёнке будет жить их память и бесконечная благодарность судьбе за то, что рядом с ними прошел по жизни такой человек — Василий Макарович.

А потом наступит октябрь и опять зардеет на Руси калина. И снова нас потянет в те места, где бывал Шукшин. Потому что сердце никогда не смирился с утратой. Так неустраима горькая горечь калины...

Нина ВЕСЕЛОВА

ВОЛОГДА

Василий ШУКШИН и Василий БЕЛОВ.

туре, и рабочий день его нередко заканчивался под утро...

В задумчивых прогулках по Белозерску рождались у Шукшина будущие эпизоды «Калины красной». Помните, раскручивает Егор Прокудин в фильме карусель и мысленно разговаривает с Любой? Нет больше той белозерской карусели, и в сквере на ее месте пусто. Да и на бережную, по которой убегал Егор от преследования, не узнать теперь — почти вся она оделась в бетон. Потому мы сняли на пленку улицы и дома, мелькнувшие в шукшинском фильме, — завтра все здесь будет не так... А вот белокаменные торговые ряды припомнит каждый, кто приедет в Белозерск. Возле одной из витрин Егор Прокудин произнес свою знаменитую фразу: «Ага, Красавец! Ну, шаркнули по душе!»

Шукшин объездил многие деревни и в трех из них вел потом съемки. Первая деревня — Орлово, на территории колхоза

ни тогда цвели, так дом что молоком обдернут был!

Женщины смеялись, и в их воспоминаниях было столько детской радости! В кои веки в деревенскую жизнь ворвалось эхо большого мира: настоящие артисты снимались в настоящем кино! А они наблюдали, как творится чудо, и даже оказались нужны. Одна сторожила аппаратуру, у другой в доме артисты чай пили, у третьей приглядел Шукшин для фильма фотокарточки на стене, и все потом видели их на экране.

Имя Василия Макаровича стало с того лета в Тимонине самым вспоминаемым. Перебивая друг друга, называли женщины фильмы с участием Шукшина. А одна добавила с горечью:

— Еще говорили, что будет он «Разиной» ставить. А вот у него смерть-то и подошла. Жалко его.

— Жалко, — подхватила другая. — Какой-то он... Вот не ви-